

Юркин И. Н. (Москва)

ВЫХОДЦЫ ИЗ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ТУЛЕ XVII в. (НЕСКОЛЬКО ПОРТРЕТОВ НА ФОНЕ ЗАВОДСКОЙ ТРУБЫ)

Иноземцы в позднесредневековой (допетровской и раннепетровской) Туле – тема малоисследованная, но достаточно интересная, в том числе для углубления понимания, какими путями и в какой степени проникала в Россию западноевропейская культура до того, как этот процесс немного неуклюже, но очень эффективно подтолкнул Петр Великий.

Иноземцев (пользуемся в качестве основного этим предпочитаемым источниками обозначением иностранцев) можно разделить на несколько групп. Одна – те, кто побывал в Туле проездом. Связи их с городом, как правило, мимолетны, хотя в отдельных случаях их след может быть вполне отчетливо выделен. Прочие – структурно неоднородная общность, в которую попадают, во-первых, лица, относительно долго жившие в Туле, во-вторых, те, о чьих контактах с Тулой прямых сведений нет, но есть данные о наличии у них здесь недвижимости. Все они, по нашему мнению, требуют кропотливого выявления и изучения.

В настоящем сообщении мы намерены обратить внимание читателя на нескольких иностранцев XVII в. из числа «непутешественников». Все они очутились в Туле не проездом, связаны с ней по роду своей деятельности. Малое число предлагаемых этюдов (три) не следует рассматривать в качестве неявно выраженного утверждения о редкости, необычности для провинции подобных фигур. Вниманию представляются лица *избранные*, выделение которых из массы подобных обусловлено множеством обстоятельств, не последнее место среди которых занимают и субъективные.

Один из источников, содержащий информацию о иноземцах в позднесредневековой Туле, – писцовые и переписные книги XVII в. Но он, при всех его достоинствах, во-первых, вполне очевиден и легко доступен¹, во-вторых, содержит минимальные сведения о конкретных лицах и практически бессобытиен. Учитывая это, в данном случае обращаемся к нему весьма ограниченно. Реально же используемые документальные источники разнородны. На специальной их характеристике не останавливаемся, отметим только, что часть из них, насколько нам известно, ранее исследователями не привлекались.

Несколько причин определяли присутствие иноземцев в Туле XVII в. Одни из них являются общими для русских средневековых городов этого времени, другие носят специфический характер. К важнейшим относятся:

а) существование вблизи Тулы первенца отечественной доменной металлургии – Тульских, или, как их стали называть позднее, Городищенских, заводов, построенных в Тульском уезде по жалованной грамоте 1632 г. Одни иностранцы ими владели (вплоть до 1690 г. ; другие на протяжении десятилетий их обслуживали;

б) дислокация в Туле полков, в которых, особенно среди «начальных людей», в изобилии присутствовали иностранцы²;

в) появление и проживание здесь «полонных» людей.

К этим чертам тульской ситуации – чертам, первая из которых индивидуальна, а вторая и третья, не будучи таковыми, тем не менее, общими тоже не являются – присовокупим одно более или менее универсальное обстоятельство:

г) торговые интересы действовавших в России иностранных предпринимателей, наиболее значительными группами которых в этот период являлись выходцы из Англии и Нидерландов.

Тульские связи основных персонажей, о которых пойдет далее речь, были обусловлены действием первых двух перечисленных выше причин.

¹ Благодаря известной публикации [Тула. Материалы].

² Вот лишь один пример: в 1616 г. «били челом о месячных кормовых деньгах "нового выезда кормовые иноземцы Прокофьевы роты Кремсково да белские немцы Томасовы роты Герна да Ивановы роты Вуда 244 человека", которые были на "царьской береговой службе на Туле" в 137 году "во все лето"» [Белоцерковский; 21].

Персонажи второстепенные, дополняя картину, демонстрируют примеры принадлежности ко всем названным группам. Для удобства читателя первые упоминания имен связанных с Тулой иноземцев выделены в тексте с помощью шрифта.

Ограничив этим краткое предисловие, переходим к обзору намеченного материала.

Первый герой, **Андрей Денисович Виниус**, создатель первой российской доменной мануфактуры, – строитель и владелец (до 1647 г. упомянутых Городищенских заводов. Он родился около 1605 г. в Амстердаме, умер около 1656 г. вероятно, в России. В 1648 г. Виниус принял российское подданство, около 1655 г. – православное крещение. Таким образом, на весь период строительства и владения заводами (1632–1647 гг. по отношению к России он являлся иностранцем: был за границей рожден, состоял в подданстве иностранного государства и оставался инородным.

Нам не известно, имел ли Виниус собственный двор и компаньонов на своем предприятии. Существование такого предполагаем по аналогии – из фактов наличия на этих и подобных им заводах: а) еще при Виниусе дворов, где жили мастера, б) в более позднее время аналогичных дворов³, а также дворов собственно хозяйских, предназначенных для приезжавших сюда владельцев [Юркин, 1995; 34–37]. Здравый смысл подсказывает, что в случае частых приездов на заводы (а на этапе постановки дела такие поездки были неизбежны) их строителю и владельцу нужно было где-то жить. Решить эту проблему с учетом дешевизны деревянного домостроения (стоимость готового сруба была несоизмерима с расходами, связанными с устройством завода) проще всего было построить собственный дом.

Опустим другие аргументы в пользу высказанного предположения – они были изложены в других наших публикациях (см., например, [Юркин, 2007а; 44–46]). Отметим однако, что существование хозяйского двора на заводах становится еще более вероятным с учетом установленного факта наличия у Виниуса дворового места в расположенной в 12 верстах от заводов Туле. В пошлинной книге Печатного приказа нами обнаружена следующая краткая запись о грамоте, запечатанной в нем 21 сентября 1636 г. «На Тулу по челобитью галанца Ондreja Винусова; велено ему выморочное дворовое место дать. Пошлин пол полтины. Взято» [РГАДА 4; л. 72 об.]. В записи не сказано, кому ранее принадлежало переданное Виниусу дворовое место, где в городе оно находилось, и какие на нем имелись постройки. К подлинной грамоте, записанной в книгу, обратиться за разъяснениями в данный момент невозможно: она не обнаружена, вполне вероятно, не сохранилась. Приходится довольствоваться приведенным текстом, в который при всей его краткости уместилось главное: известие, что в такое-то время Виниус просил о передаче ему на Туле двора и что такой двор он получил.

Учитывая дату запечатывания грамоты, можно предположить, когда она была дана – скорее всего, в сентябре, в крайнем случае, в августе того же, 1636-го, года⁴. Этот год в истории Городищенского завода занимает особое место: 24 марта (3 апреля по новому стилю) в казну поступила первая партия железа, на нем изготовленного [Юркин, 2007б; 375–389]. Предприятие, не вполне, по-видимому, еще достроенное, показало способность производить продукцию. Думается, передача Виниусу вскоре после этого дворового места не является случайной. Нараставшая в правительстве по ходу строительства настороженность в отношении этой затеи (что естественно, строительство продолжалось около четырех лет) благодаря первому достигнутому успеху сменилась более благоприятным к ней отношением; опасения, что государственная поддержка предпринимателям окажется напрасной, наконец рассеялись. Учтя благоприятную ситуацию, Виниус, возможно, решил обратиться за очередной помощью: попросил отдать ему дворовое место, взятое в казну после смерти не имевшего прямых наследников владельца.

³ На географическом чертеже второй половины XVII в. они названы «немедскими дворами» и показаны на пустоши Синей [РГАДА 8]. Фрагмент этого чертежа воспроизведен в нашей работе [Юркин, 2007а; 27].

⁴ Чаще всего между дачей грамоты и ее запечатыванием проходило некоторое время.

Пристанище в Туле должно было казаться Виниусу весьма полезным приращением его предпринимательского хозяйства. Хотя на заводы не распространялась юрисдикция тульского воеводы, время от времени, несомненно, возникали вопросы, которые нужно было решать сообща с местной властью. Кроме того, именно в Туле производились испытания отлитой на заводе артиллерии, для чего где-то поблизости от нее, в лесу, был устроен сруб «для пищального прострела» – нечто вроде испытательного полигона [Виниус; 434]. Виниус, а может быть, и его приказчики останавливались на полученном заводовладельцем тульском дворе⁵, сдавая продукцию и присутствуя на ее приемных испытаниях.

К сожалению, опубликованные переписные книги по Туле не содержат упоминаний о дворе А. Д. Виниуса. Последнее могло раствориться в одной из их лакун. Не исключено, что оно вообще не нашло в них отражения – если время, когда этот двор принадлежал Виниусу, было недолгим и попало между переписями. Во всяком случае, у сына заводчика Андрея Андреевича, эволюцию недвижимой собственности которого для периода, начиная с 1660-х годов, мы проследили довольно подробно [Юркин, 2007а; гл. 14], двора в Туле не было. Не исключено, что при временной передаче заводов в казну (1647–1648 гг. они были у компаньонов отняты, а после возвращения их в частное владение (Марселису и Акеме) А. Д. Виниус продал свой тульский двор за ненадобностью.

Второй сюжет касается иноземца, приезд которого в Тулу был обусловлен размещением здесь полка. Он участвовал в поисках серебряной руды по реке Тулице, завершившихся созданием на площадке одного из Городищенских заводов производства для ее переработки. Напомним основные события этой истории, для более подробного ознакомления с ней отсылая читателя к другим опубликованным нашим работам.

В 1661 г. по царскому указу «искать руды серебряной» в район заводов, конкретно в село Дорофеево Старогородищенского стана Тульского уезда и иные места, отправились некто Аврам Игнатьев и гранатный мастер Андреян⁶. В отписке от 2 ноября Игнатьев объявил, что здесь и в некоторых других местах уезда «по речки и в берегах у воды» руда «объявилась». Образец руды был послан в Москву с иноземцем Андрианом Корковеном (можно думать, тождественным гранатному мастеру).

В команде поисковиков специалиста-рудознатца не было, зато такой нашелся на Туле. Игнатьев обратился к иноземцу майору **Мартину Иванову сыну Клеренту**⁷, утверждавшему, что он «руды серебряную знает и плавить ее умеет». После осмотра «призначных» мест и «знака руде» тот заявил, что она «подлинная серебряная», и он, переплавив, сможет отделить примеси – свинец и серу [РГАДА 2; л. 79–80].

Возможность принять участие в этом проекте Клерент воспринял с большим энтузиазмом. По его словам, ему стало известно, «что ево царскому величеству горазд [о] полюбитца, когда бы нехто немчин был, которой бы знал сребреную руду копать». Сообщили ему и о том, что «его царское величество на многие вещи великие протори накладывать хочет». С учетом этого он попросил, «чтоб его царское величество небольшие [е] протори на отпыт указать изволили; а я, – продолжал рудознавец, – надеюся помощию Божиею ис той руды, что... у Городища нашли, серебро делать». Клерент обещал «ег [о] царскому величеству верно работать, сколько возможно, и Божие благословен [ие] ожидать» [РГАДА 2; л. 83–84]. В приложенную к его сказке роспись нужных для экспериментов «статей» он включил маятник, химические реактивы и техническую литературу: «Книгу, как золотую и серебряную руду плавить» и «Большой альманак, в котором описуетца, как руды плавят» [РГАДА 2; л. 85].

Сообщая об этом в Москву, Игнатьев просил разрешения на проведение «опыта». В ответном указе ему из Приказа Тайных дел от 8 ноября его

⁵ Целый ряд случаев проживания приказчиков на дворах заводовладельцев отмечен описаниями Тульских и Каширских заводов 1662 и 1690 гг. сводку этих данных см. в таблице 1 работы [Юркин, 1999; 74–84].

⁶ Начальные буквы присутствующего в источнике патронима не читаются.

⁷ Судя по подписи на сказке, оригинальным его именем было, кажется, Martin Klering. Но подпись читается не вполне отчетливо, в связи с чем выбираем одну из встречающихся в документах транскрипций, не утверждая, что именно она наиболее точна.

извещали о посылке на Тулу распоряжения о прикомандировании к нему Клерента⁸, а также, с нарочным, запрошенных тем составов. По прибытии майора приказано было передать ему, чтобы тот делал «о серебряной руде опыт, не мотчав» [РГАДА 2; л. 89]. В конце ноября в Тулу был отправлен курьер – поручик Андрей Новроцкий⁹, везший с собой «книгу серебряному делу» и новый указ «опыт зделать». Клерент сделал его «в горшках» и «вытопил из той руды... слиток небольшой, и свинцу же весу в нем тридцать золотников». Хотя майор утверждал, что серебро в этом отправленном в Москву слитке есть, было ясно, что главной цели достигнуть в эксперименте не удалось: чистое серебро выделено не было. Впрочем, Клерент демонстрировал оптимизм: утверждал, что серебро, содержащееся в тулицкой руде, «будет... лутчи тово серебра, что делаетца в ыных государьствах». Неудачу он объяснял упрощением технологии: делал опыт без специальной печи. Он просил разрешить ему новое испытание, на этот раз в точности по саксонской технологии, для чего требовал «скласть» особую плавильную печь, в которой бы можно было «розделить серебро с свинцом и со всякою рудою». При этом он подал новую «Роспись заводу и снастям серебряной руде к опыту», в которую включил технический персонал (кузнеца, печника и горшечника), разнообразное оборудование, инструменты и кое-что из материалов [РГАДА 2; л. 86–88].

Кем же он был – Мартин Иванов сын по фамилии в русской передаче Клерент, Клерик, фон Кляринк?

В своей сказке он сообщил, что «по повелению и указу его царского величества *на Тулу поехал*»; упомянул, что находится здесь «*на службе*», известил, что «сребреную руду копать» научился «в Немецкой земле у курфирской пресветлост [и] Соксонской» [РГАДА 2; л. 83].

Саксония – древний, накопивший огромный опыт добычи серебра район Центральной Европы, признанный центр распространения этого опыта. В каком качестве саксонец Клерент прибыл в Россию и для чего был послан в Тулу – в его сказке не сообщается¹⁰. Игнатьев представлял его так: «На Туле... в полку боярина и воеводы князя Федора Федоровича Куракина есть иноземец нововыезжей моеор у пехоты Мартин Иванов сын Клерент». Несколько отличную от этого информацию дает указ Приказа Тайных дел Игнатьеву от 8 ноября 1661 г. начинающийся с изложения входящей отписки последнего: «Писал еси к нам, великому государю, что для опазныванья серебряные руды надобен тебе Ондреева полку Франзбекова маеор Мартин Клерик». Далее сообщается о посылке Игнатьеву по поводу «того маеора» грамоты «к боярину нашему и воеводе ко князю Федору Федоровичю Куракину с товарищи» [РГАДА 2; л. 89].

Налицо противоречие: по словам Игнатьева, Клерент находится в полку Ф. Ф. Куракина, московский же указ числит его в полку Андрея Франсбекова.

Франсбековы – род, связанный с Россией минимум с XVI века, и именно этот, ранний, период их пребывания здесь относительно разработан. Наш Андрей, вероятно, Андрей Романович, сын Романа Романовича Франсбекова. Упоминается он в 1654–1660 гг. за это время, состоя на службе «у пешева салдатцкого строю», из прапорщиков он дорастает сначала до капитана, позже – до подполковника¹¹. Как видим, карьерный рост этим не завершился: осенью 1661 г. в Туле он уже полковник. К сожалению, сведений о его пребывании здесь и о том, кто входил в подчиненную ему команду, мы пока не обнаружили.

⁸ О чем просил сам Игнатьев. Требовавшее отлучек из полка участие Клерента в работе экспедиции в случае неофициального характера его к ней привлечения могло грозить ему серьезными неприятностями по основной службе. Укажем в качестве примера на шведа **Петра Ульфа**, которого в бытность его в 146 (1637/1638) г. в Туле кн. И. Б. Черкасский «из службы... за неты оставил» [Архив; 409].

⁹ В других источниках фамилия этого офицера – *Новгородской*. Опираясь на старые публикации, именно в такой форме ранее приводили ее и мы). Но в комплексе источников, рассматриваемых в этой статье, ее устойчивое написание другое – *Новроцкий*.

¹⁰ Насколько неожиданными могли быть предшествовавшие посылке в Тулу занятия находившихся в России иноземцев, видим, например, из указа от 16 июля 146 (1638) г., сообщающего о немчине **Гилберте Роварте**, который был у «нашего оружейного дела» в дозорщиках, теперь же отставлен, потому что оружейного дела стало мало. В связи с этим он послан в Тулу, а там приказано записать его по прибытии к немцам в роту, где пригоже. [РГАДА 3; Л. 44].

¹¹ Автор выражает признательность за сведения об А. Р. Франсбекове Т. А. Опариной.

В любом, однако, случае ясно, что Клерент – офицер, причем уточнено – «у пехоты». Мог ли такой сколько-нибудь разбираться в рудном деле? Саксонский – вполне вероятно. Мы даже не исключаем, что именно от него получил Игнатьев первичную информацию о серебряной руде на Тулице, – информацию, побудившую его объявить о ней и навязать в руководители экспедиции, предпринятой для ее поиска.

Где жили Франсбеков и вероятный его подчиненный?

До сих пор остается открытым вопрос о том, существовала ли в Туле иноземческая слобода. О ней глухо говорит писцовая книга 1625 г. (упомянуты «из Немецкие и из Черкасские слободы вольные казаки» шесть человек [Тула. Материалы; 3] ¹²); но зная о ней, Белоцерковский в ее существовании все же сомневался [Белоцерковский; 160] и в своем обзоре тульских слобод на ней не остановился. Переписные книги Тулы XVII века (не вполне, впрочем, идеальные по сохранности) ее не упоминают.

Нет никакого сомнения, что слободы вроде московской Ново-Немецкой – небольшого города-спутника столицы, являвшегося перенесенным на русские холмы осколком Западной Европы, – в Туле не было. Но нет никаких оснований и отрицать возможность существования более или менее компактного поселения иноземцев внутри городских укреплений Тулы или на ее окраине – поселения прежде всего «воинских начальных людей» – иноземного происхождения офицеров и военных инженеров, без которых, между прочим, не обошлось при строительстве Земляного города Тулы. Вместе с тем, появление подобного рода сегрегаций логично, если поселенцы приезжают куда-то на сравнительно длительное житье. Такой была ситуация для западноевропейских специалистов, например, для разнообразных мастеров ремесел, годами, а то и десятилетиями работавших в Москве. Иной характер службы требовал от военных большей мобильности, что мало способствовало обзаведению на местах временного пребывания недвижимостью. Некоторые ее, впрочем, имели, как, например, иноземец **Григорей Доморев**, владевший двором в Рейтарской слободе Тулы (упомянут в документе от 15 июля 1695 г. уже умершим [РГАДА 7; л. 148] ¹³). Но большинство, полагаем, просто стояли на дворах местных жителей на квартирах.

Последний этюд касается представителя довольно заметного нидерландского купеческого рода XVII века, о прямой связи которого с Тулой упоминания в литературе ранее нам не встречались. Речь пойдет о некоем **Николае Давыдове сыне Рутсе** или **Руце** ¹⁴, в русских источниках именуемом также **Рыцем**, **Рицем** и **Ронцем**.

В Российской государственной библиотеке, в фонде И.Д. Беляева, в деле под названием «Сборник новых выписок с историко-юридических памятников» имеются копии двух документов, связанных с продажей Руцем в 1692 г. принадлежавшего ему в Туле двора и оформлением его (двора) за новым владельцем – известным военачальником раннего петровского времени, героем второго Азовского похода боярином Алексеем Семеновичем Шеиным.

В купчей, датированной 7 марта 1692 г. Руц сообщает, что продал последнему «двор свой на Туле на площади, на Кропивенской улице, на углу, да квасню на белой земле». Для уточнения местоположения двора, как было принято в подобных документах, приведены сведения о принадлежности соседних владений: сказано, что проданная недвижимость «в межах» находилась «подле двора боярина Лва Кирилловича Нарышкина». Дополнительные пространственные ориентиры извлекаем из данных о размерах участка: одно из расстояний, «длинник», было измерено по линии от двора Нарышкина к проезжей Кропивенской улице (15 сажень); другое, поперечник, – по линии «от Васильева двора Винского, что бывал

¹² Эти данные относятся к более раннему, чем основная часть книги, времени. В опубликованном тексте указан 123 (1614/15) г. (со знаком вопроса, указывающим на сомнение в точности прочтения). Белоцерковский связывает их с сыском беглых с посада в 124 (1615/16) г. [Белоцерковский; 160].

¹³ После смерти Доморева этот двор достался тульскому солдату Ивану Донскому, потерявшему его в тяжбе с Титом Грицовым; передачу двора последнему приостановил Иноземский приказ.

¹⁴ В переводе книги Я.В. Велувенкампа [Велувенкамп, 2006] эта фамилия последовательно транскрибирована в форме *Рутс*. В качестве основной мы выбираем фонетически соответствующую ей *Руц*.

Илюшкин двор Сазонова, к городу» (10 сажень). Из хоромного строения на участке находились «изба, да другая квасня, изба с сенми»¹⁵ и четыре лавки. Вдоль границы двора шла «городба – заборы и плетень». Согласованная сторонами цена двора и построек составила 50 рублей [РГБ; л. 153–153 об.].

Сопровождающая купчую выписка из дела о закреплении за Шеиным тульского его приобретения содержит новые детали. В ней сообщается, в частности, что «в Пушкарском приказе в переписных тульских дворовых книгах переписи Андрея Усова да подъячего Петра Ермолина 148 (1639/40 – И. Ю.) году на Туле в городе и за городом за иноземцом за Николаем Давыдовым сыном Рыц и за вдовою Парасковьицею Ерофеевскою женою Провоторова и за внуком ее Степаном Павловым двора и дворового места не написано», из чего заключаем, что в собственность Руца двор на Крапивенской улице попал после указанной переписи. В источнике не сказано, какое отношение имели к этому делу вдова Прасковья и ее внук – можно, однако, предположить, что именно они предшествовали Руцу в качестве владельцев данной усадьбы. Далее говорится о действиях участников сделки с целью регистрации ее результата¹⁶. Упомянуты данные, полученные Руцем «на то дворовое место на Туле ис приказной избы» [РГБ; л. 151–151 об.], но там, где должно было бы начаться ее изложение, текст обрывается.

Среди названных в источнике имен интересны едва ли не все – и продавца Руца, и покупателя Шеина, и соседа по владению Нарышкина. Но в контексте рассматриваемого вопроса наше внимание в первую очередь останавливает, естественно, Николай Давыдов сын Руц.

С Московским государством были связаны несколько представителей этой предпринимательской династии. В составленном А. В. Демкиным списке нидерландского купечества, имевшего деловые контакты с Россией в XVII в., упоминаются Руцы Давид Николаев, комиссар датского короля (20–50-е гг.), его брат Исаак Николаев (1631–1644), сыновья первого Давид (40-е и 80-е), Исаак (60-е) и Николай Давидовы. Наиболее поздние сведения о последнем относятся у Демкина к 1690-м гг. [Демкин; 76]. Деятельность Руцев в России заканчивается, по-видимому, с началом петровской эпохи – у В. Н. Захарова в списке западноевропейских купцов петровской поры они отсутствуют.

Ученные Демкиным сведения о деятельности в России Николая Давыдова охватывают интервал с конца 1640 по 1690-е гг. Период настолько широк (около полувека), что закрадывается сомнение: к одному ли лицу эти данные относятся. Но генеалогический материал голландских исследователей оснований для разделения Руцев не дает. У Я. В. Велувенкампа их, впрочем, два, но годы жизни старшего Николауса Руца (великолепный портрет которого – гравюра с картины Рембрандта – приведена в его исследовании) относятся к 1573–1638 гг. Наш Николаус Руц был его внуком, сыном же Давида Руца (1595–1659) и Марии де Мушeron. В их браке, по Велувенкампу, было рождено четверо сыновей (известные нам Николаус, Исаак, Давид и Демкиным не упомянутый Георг, женившийся на вдове Франк), а также две дочери (Мария, сочетавшаяся браком с Йоханом фан Сведеном, и Сюзанна Катарина, вышедшая замуж за Хендрика Свелленгребея) [Велувенкамп; л. 281].

Относящиеся, по всей видимости, к Н. Д. Руцу сведения находим также в документах, касающихся истории Тульского (Городищенского) доменного завода. Они затрагивают два периода: 1668–1669 и 1690 гг. В «отказных книгах» 1690 г. подъячего Пушкарского приказа Сергея Севергина боярину Л. К. Нарышкину на Тульские, Каширские и Алексинские заводы и на приписанную к ним дворцовую Соломенскую волость несколько раз упомянут «прикащик иноземец Никулай Давыдов сын Ронц», именуемый также просто Никулаем (вариант Микулаем) Давыдовым [Крепостная мануфактура;

¹⁵ В расстановке запятых не уверены. Две или три избы подразумеваются в источнике – непонятно.

¹⁶ Шеин, сообщив в челобитной о покупке, заплате оговоренной суммы и получении от продавца купчей, просил, «чтоб великие государи пожаловали б ево... велели... тот двор за ним в Пушкарском приказе записать в книгу и на Тулу к воеводам послать великих государей грамоту». О том же – чтобы пожаловали, велели тот двор записать за Шеиным – просил и Руц.

137–140]. В более ранних, конца 60-х гг. документах названный без фамилии, он отождествляется с этим Ронцем (т. е. Руцем) вполне надежно, поскольку фигурирует все в том же качестве – приказчика тех же заводов.

В 1690 г. Руц жил на хозяйском дворе, стоявшем на 4-м (нижнем) Городищенском заводе. В более ранней, 1662 г. переписной книге по заводам живущим на нем назван другой приказчик – Томас Андреев [Крепостная мануфактура; 25, 139]. Из этого можно предположительно заключить, что Ронц появился на заводе между декабрем 1662 (дата переписной книги) и апрелем 1668 г. (дата наиболее раннего известного нам документа, фиксирующего его присутствие на Городищенских заводах) [Крепостная мануфактура; 21, 361].

На то, что Н. Д. Руц был приказчиком Христиана Марселиса на заводах последнего, обратил внимание еще А. В. Демкин [Демкин; 76]. Наши изыскания: а) уточняют, на каком именно заводе находился Руц; б) выявляют, что служил он тут достаточно долго, причем не одному Христиану, но и его предшественникам. Судя по всему, Руц, помимо универсального опыта управления (применимого для решения управленческих задач независимо от содержания деятельности), за долгие годы работы на заводе приобрел немалый опыт работы именно в металлургическом производстве – в противном случае трудно представить, что заводовладельцы стали бы так долго держать его здесь в качестве приказчика.

Руц, судя по всему, обладал отчетливо выраженной жилкой хозяйственника. Проявление этой черты видим не только в факте длительного (следовательно, успешного) управления мануфактурой. На заводах он завел довольно значительное собственное хозяйство, в частности, обрабатывал с помощью наемной рабочей силы отданную ему «за жалованье за 50 руб.» пашенную землю [Крепостная мануфактура; 139]. В источнике упомянута находившаяся на верхнем заводе мучная мельница, которую в 1690 г. нанимал у него деревни Струковой патриарший крестьянин Аксен Епифанов [Крепостная мануфактура; 137]. Впрочем, не ясно, сам ли Руц был владельцем мельницы или выступал в сделке в качестве представителя отсутствующего ее владельца.

С этими данными хорошо согласуется относящееся к осени 1691 г. известие об иске, вчиненном им одному из жителей Тулы. Характер исходной сделки не ясен, известно лишь, что Руц получил от контрагента две заемные памяти. Скорее всего, имело место обычное кредитование, причем одновременно в денежной и в натуральной формах. В пошлинной книге Печатного приказа в записи от 17 ноября упомянута грамота, данная днем раньше «на Тулу к столнику и воеводе ко князю Кондратью Чертенскому по челобитью Галанские земли торгового иноземца Никулая Рудца». Далее следует краткое изложение содержания грамоты: «велено в ыску ево по заемным памятям в заемных деньгах в дватцати в девяти рублех в тринацати алтынех в дву деньгах да в заемном же хлебе в двунатцати четях туленина Филипа Пущина, сыскав, выслать к Москве в государственной Посольской приказ»¹⁷ [РГАДА 5; л. 191 об.]. Как видим, в начале 1690-х гг. предпринимательская деятельность Н. Руца непосредственно захватывала Тулу: здесь он реализовывал хлеб (быть может, муку той заводской мельницы, которую сдавал местному крестьянину?).

Длительность проживания Руца поблизости от Тулы, значение ее в качестве центра местной власти, одновременно торгового и ремесленного центра, обусловленные служебными обязанностями и предпринимательской деятельностью, связи Руца с ее жителями – все подталкивало его к тому, чтобы стать владельцем городской недвижимости. Как когда-то Виниус на его тульском дворе, так и Руц на собственном дворе в Туле останавливался во время наездов в город или при следовании через него. Лишь с передачей заводов весной 1690 г. Л. К. Нарышкину, по-видимому, повлекшей, во всяком случае, частичную замену управляющего персонала, надобность в собственном тульском дворе у старого приказчика отпала. Два года спустя Руц его продал.

¹⁷ Автор благодарит И. Ю. Соснера за указание на содержащееся в этом источнике упоминание о Руце.

Отметим в заключение еще одну ниточку, связывавшую Руцев с основателями Городищенских заводов братьями Виниусами и их компаньоном Елисеєм Вилкенсом (Юлиусом Виллекеном). В свое время Давид Руц (отец Николая) и еще один торговец пытались перехватить смоляной откуп, которым владел Виллекен. Чтобы спасти пошатнувшееся положение последнему даже пришлось продать свою долю в Духанинском стекольном заводе, строившемся тогда с его участием Коетами в Московском уезде. Позже, когда Виллекен умер, А. Д. Виниусу, его поручателю, пришлось расплачиваться по оставленным покойным долгам железом Городищенских заводов. На это позднее наложился конфликт Виниуса и Руца, зашедший так далеко, что Андрей Денисович вчинил ему иск в бесчестье [РГАДА 1; л. 52, 103]. Но все это происходило в 1630–1640 гг. и по отношению ко времени владения Руцами тульским двором – суть дела давно минувших дней. Но, как видим, определенные интересы сохранялись в Туле у Руца-сына и в раннепетровское время.

Три фигуры, о которых шла речь, разумеется, не исчерпывают круг иностранцев, живших в Туле XVII в. В настоящее время наши сведения о них не настолько обширны, чтобы обобщать их и обрабатывать методами статистики, но в принципе, по мере накопления данных, такая обработка, оставаясь весьма привлекательной, становится еще и возможной.

Представленные читателю лица связаны с Тулой и деятельностью, и по крайней мере временным проживанием в ней. Заметим, однако, что владение предпринимателем (купцом, владельцем крупной ремесленной мастерской, заводчиком) городским двором отнюдь не обязательно означало, что он был здесь ему нужен и потому приобретен. Недвижимость могла переходить из рук в руки и другими путями, в частности, в порядке обеспечения кредитных операций. В качестве примера укажем на эпизод с участием «Галанские земли» торгового иноземца **Ивана Врея**. Последний вчинил иск туленину Ивану Левашову «по кабале за сто за пятьдесят рублей». Врей подал челобитную, на основании которой 12 января 1692 г. была подготовлена грамота на Тулу, воеводе: двор Левашова, оценив, было велено отдать ему, Ивану. На случай, «буде чево в ыск по оценке не достанет», предписывалось выслать ответчика к Москве в Посольский приказ [РГАДА 6; л. 208 об.]. Сохранил ли Врей отданный ему двор за собой или продал – нам не известно. В данном случае не исключено, что сохранил. Интересы у Врея в Туле не исчерпывались деловыми контактами с Левашовым. В первой половине 90-х он довольно активно занимался кредитованием тульских предпринимателей. Об этом говорит запись в пошлинной книге Печатного приказа о еще одной, от 20 июля 1695 г. грамоте, посланной на Тулу в обеспечение вновь ущемленных интересов Врея: «По челобитью Галанские земли торгового иноземца Ивана Врея велено тулян посадцких людей Ивашку большого Афонина, да Афонку Шурупова, да Андрюшку Морозова в ыску ево по кабале в заемных деньгах в пятидесят в пяти рублях да в убытках в тридцати рублях, да тулян же посадцких людей Дмитрейку Петрова с сыном Степкою по другой кабале во сте в двунатцати рублях да в убытках же в тридцати в дву рублях, сыскав, за поруками выслать к Москве к ответу в Посольской приказ того ж приказу с приставом с Федором Башериным» [РГАДА 7; л. 219–219 об.]. В данном случае о передаче Врею дворов его должников не говорится – по-видимому, в качестве обеспечения в кабалу они записаны не были, и в приказе, прежде чем прибегнуть к этой мере, предполагали выяснить, есть ли возможность расплатиться с кредитором менее катастрофическим для ответчиков способом.

Конечно, ссужать жителей Тулы деньгами можно было и не приезжая в нее. Пространство деятельности названных тульских предпринимателей, вполне вероятно, захватывало Москву, где они и прибегали к займам у Врея. Но столь большое количество среди его должников именно тулян позволяет предполагать, что Врей как-то выделял для себя эту группу провинциальных предпринимателей. Может быть, в силу давних контактов не только с ними, но и с их регионом?

А. Д. Виниус.
Гравюра К. Фишера. XVII в.

Источники и литература

- Виниус – Андрей Денисович Виниус (Исторические материалы, собранные Евгением Вильчинским)//Русская старина.– 1910.– Т. 143.– Сентябрь.– С. 433–440.
- Архив истории труда в России.– М., 1989.
- Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках.– Киев, 1914.
- Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785.– М., 2006.
- Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII веке.– М., 1994.– Вып. 2.
- Крепостная мануфактура в России.– Л., 1930.– Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы.
- РГБ. Ф. 29. Беляев И. Д. Собрание. Д. 132.
- РГАДА 1 – РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 2. 1649. Д. 10.
- РГАДА 2 – РГАДА. Ф. 151. Дела о горных промыслах и заводах. Оп. 1. Д. 12.
- РГАДА 3 – РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Севский стол. Столбцы. Д. 111.
- РГАДА 4 – РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Кн. 30.
- РГАДА 5 – РГАДА. Ф. 233. Кн. 319.
- РГАДА 6 – РГАДА. Ф. 233. Кн. 321.
- РГАДА 7 – РГАДА. Ф. 233. Кн. 352.
- РГАДА 8 – РГАДА. Ф. 383. Карты, планы и чертежи МАМЮ. Оп. 1. Д. 121.
- Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий.– М., 1884.
- Юркин, 1995 – Юркин И. Н. К истории усадьбы Марселисов XVII века в с. Ченцово Заокского района Тульской области//Материалы краеведческих чтений: К 75-летию Тульского областного краеведческого музея.– Тула, 1995.
- Юркин, 1999 – Юркин И. Н. Усадьбы заводчиков при ранних металлургических мануфактурах центра Европейской России//Известия Тульского государственного университета – Тула, 1999.– Серия «Гуманитарные и социально-экономические науки».– Вып. 3.– С. 74–84.
- Юркин, 2007а – Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1642–1716.– М., 2007.
- Юркин, 2007б – Юркин И. Н. Новые документальные материалы о начальном этапе истории адаптации в России доменной технологии («Память из Приказа Большой казны об основании железного завода под Тулой», 1651 г. // Архив истории науки и техники.– М., 2007.– Вып. 3.– С. 375–389.